

О ЗНАЧЕНИИ «АВТОТЕКСТОВ» ДЛЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Это выступление стимулировано следующими обстоятельствами: во-первых, двумя книгами, основанными главным образом на архивных материалах, а точнее, на основе одного архива – Карельского научного центра РАН. Первая «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)»¹ и вторая «Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)»²; во-вторых, сначала личными встречами в 1983 году с исполнительницей из Заонежья А.С. Койбиной, а затем, уже после ее смерти, обретением ее дневника (разумеется, сделанной мной копией с него), предоставленным мне ее дочерью Н.М. Абакумовой. Вот тогда в моем сознании и появилось понятие «внетекстовые» источники, употребляемое мною условно, – тексты другого ряда, те, что находятся за пределами, вне текста фольклорного произведения, оказываются его комментарием.

Названные книги, составленные Т.С. Курец, – необычны в жанровом отношении: это не публикации текстов и не истории идей. Это собрание расположенных в алфавитном порядке разновеликих по объему биографий носителей фольклора двух регионов Карелии и – уже особо в отдельной части – репертуар каждого информанта и жанровая идентификация записанных от него текстов. Тем самым народная традиция Заонежья и Пудожья на сегодняшний день – это не только десятки собраний фольклора разных жанров и их исследования, но еще и сотни имен носителей и хранителей фольклора: 381 из них в Пудожье и более 320 в Заонежье. От первого сказителя Заонежья Ильи Елустафьева из деревни Шляминской, рожденного в 40-е годы XVIII века, и Ко-

¹ Носители фольклорной традиции (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т.С. Курец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 408 с.

² Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подгот. Т.С. Курец. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 372 с.

нона Неклюдина с Зяблых Нив Кижской волости (70-е годы XVIII века), с которыми собиратели, разумеется, не встречались и от которых не дошло ни одной записи, но о которых поведали их ученики и потомки, сохранившие в памяти их репертуар, – до Аси Бочановой из Великой Губы (1971 года рождения) – таков временной диапазон книги о Заонежье. От старейших сказителей – мастера сказки Осипа Ивановича Дмитриева (1852 г.р.) из деревни Рагнозеро и былинщика Федора Андреевича Конашкова (1860 г.р.) до нескольких представителей семьи Ершовых из деревни Якушева (1965, 1967 гг.р.) – период, отраженный в книге о пудожских носителях фольклора. Биографии, порой превращающиеся в пространные жизнеописания, тщательно и кропотливо, по крупицам воссоздаются Т.С. Курец на основании отдельных, самостоятельных свидетельств. (Это извлечения из описаний и отчетов участников фольклорных экспедиций, наблюдения, даже отдельные штрихи, принадлежащие собирателям, информации, упоминания или факты из печати и особенно из газеты «Олонецкие губернские ведомости» (1838- 1916), сохранившиеся письма исполнителей, воспоминания современников)

Совершенно особое место в этих чрезвычайно разноплановых биографических материалах занимают автодокументы, или, как их называют современные исследователи, «эго-тексты», т.е. тексты от имени «я» повествователя. В литературной практике таковыми являются изданные мемуары и дневники, которые принадлежат главным образом известным или выдающимся людям. В народной культуре эту функцию, как правило, выполняют рассказы о себе, своеобразный симбиоз автобиографии, мемората и дневника. Каждый, кто хотя бы раз участвовал в собирании фольклора, знает, насколько важно информанту сначала рассказать о себе. Редкая встреча собирателя с исполнителем обходится без подобного рассказа. К слову, такие устные «автотексты» простых людей как особый дискурс никогда не были предметом специального изучения.

Таким «автотекстом» является и оказавшаяся в моем распоряжении толстая, исписанная карандашом тетрадь в линейку, названная А.С. Койбиной Дневником. Оставляю за рукописью право называться так, как ее обозначил автор, – дневник. К сожалению,

даты, когда он начат и окончен, нет. Снимая с него компьютерную копию и вчитываясь в текст, сделала предположение, что начала она его в последние годы жизни, поощряемая своим племянником, поэтом Виктором Сергиным, с которым А.С. была особенно дружна. Что же касается жанра, то, строго говоря, это не дневник, а своеобразный сплав элементов дневника, мемуаров, духовной автобиографии, записной книжки, писем и, что особенно важно, самозапись сохранившихся в памяти фольклорно-этнографических фактов³.

Место и роль этих документов трудно переоценить. Во-первых, потому, что сквозь призму восприятия конкретного, рядового человека отражается время, события истории страны в целом и региона, в частности: революция, коллективизация, Отечественная война, оккупация, концлагерь, послевоенные годы; складывается картина жизни во всех ее позитивных и негативных проявлениях. А в ней, как в зеркале, сложившийся повседневный быт и уклад, труды и дни, обряды, представления и верования, будни и праздники, промыслы и ремесла, семейные отношения, отцы и дети, сезонные занятия, связи с внешним миром, наконец, самобытный с множеством диалектизмов язык – самостоятельный источник изучения для лингвистов.

«Родилась и выросла в д. Сибово, замуж вышла в Сибово. У отца было четыре дочери, я младшая. Дом был хороший, дак мужа в дом взяли. А потом многих мужчин-то забирали в 1937 году, и он в эту «кашу» попал, а я с пятерыми осталась. Сестра курьершей работала в Петрозаводске, хлопотала, письма писали. ... А потом дали бумажку, что неповинен был, а в «шайку» попал. Так и не вернулся, умер. Ростила ребят без всякой помощи. ...Работала в колхозе, пенсию маленькую дали: сначала 8 руб.50 коп., потом 12 руб., теперь 28 руб....» (А.П. Сигова, 1898 г.р.)⁴.

Во-вторых, эго-тексты – это, как правило, автохарактеристики, откровения и детали которых приобретают характер некоего комментария творческого плана – мотивов, обстоятельств и условий

³ См.: Лойтер С.М. «Я, Анастасия, дочь крестьянина...» // Лицей. 2009. № 4. С. 19.

⁴ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье.Карелия)... С. 228.

исполнения того или иного текста, объяснений и сведений, касающихся его бытования.

«Я всю жизнь любила петь. У нас там в деревне песенно было. Сестра отца такая песенница была, такой голос хороший... Не с песней бы жить, дак подохла бы давно, не выдержала. Вот, бывала, как еду на лошади на работу, песни пою, а потом давай плакать...» (П.С. Мошникова, 1908 г.р.)⁵.

Е.Ф. Санникова из заонежской Толвуи с 14 лет причитывала на могиле матери: «Шестеро осталось, так было вопу. Столько вопила, что замертво с могилы соймут»⁶.

Среди всех этих откровений своей незаурядностью и талантливостью выделяются записанные Е.В. Барсовым рассказы о себе Ирины Федосовой⁷. Как уже говорилось, «автотексты» – только один из пластов того целого, которое в книгах Т.С. Курец сопряжено с именем и личностью исполнителя. И весь этот уникальный материал имеет непосредственное отношение к таким важным проблемам фольклористики, как преемственность традиции, процесс и «механизм» ее передачи, особенности бытования и сохранения: кто от кого услышал, что запомнил, как продолжил. Иными словами к тому, что составляет область вариативности элементов фольклорной культуры, разветвленности традиции, к тому, как происходит формирование вариантов, версий, редакций, изводов. Подобные сведения, описания и высказывания указывают фольклористам путь сличения, сопоставления вариантов и установления генетической связи. Они делают убедительной точку зрения Ю.А. Новикова, высказанную им в монографии «Сказитель и былинная традиция»⁸ и поставившего вопрос «о нецелесообразности употребления... понятия «школы сказительского мастерства», введенного в научный оборот В.И. Чичеровым»⁹. Как известно, в результате изучения былин Заонежья В.И. Чичеров назвал три «школы» былинного сказительства: школу Ильи Елустафьева, школу Конона Неклюдина и космозерскую школу. Полемизируя с концепцией

⁵ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье.Карелия)... С. 147.

⁶ Там же. С. 221.

⁷ Там же. С. 252–257.

⁸ Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 253–266.

⁹ Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. 196 с.

В.И. Чичерова, Ю.И. Новиков пишет: «У подавляющего большинства выдающихся старинщиков Олонецкого края не было сознательной ориентации на одного учителя, на традиции одной сказительской «школы»; варианты каждого певца восходят к разным источникам. Крупнейшие сказители Прионежья стали «звездами первой величины» именно потому, что в своем творчестве аккумулировали лучшие достижения местной традиции...»¹⁰. И это подтверждают биографические материалы самого крупного и знаменитого сказителя Заонежья Трофима Рябинина, безоговорочно отнесенного Чичеровым к елустафьевской «школе». Сам сказитель среди тех, у кого он учился петь былины, называет не только Илью Елустафьева, но и своего дядю Игнатия Иванова, который, по его словам, «был самым лучшим певцом былин во всем их крае», и зятя Василия Сарафанова, и крестьянина из Гарниц Ивана Агапитова Завьялова, и стариков Ивана Кокойкина и Федора Трепалина, и крестьян из Заонежья, с которыми «раз 40 на своем веку ходил на ловлю в Ладожско озеро», и рагнозерского (а это уже не Заонежье, а соседнее Пудожье – С.Л.) «старика Федора Рахкоя»¹¹.

Анастасия Степановна Богданова-Зиновьева, чью жизнь и исполнительство запечатлели две колоритные автобиографии и свидетельства более десяти собирателей (почти 20 страниц текста), признавалась, что училась не только у беззубой старушки Гавриловны, «Шапши», но и у Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал еще А.Ф. Гильфердинг, и у портного из с. Песчаное с Пудожского берега Максима Ржанова¹².

Некоторые биографии и содержащиеся в них факты или детали позволяют убедиться в том, как влияют на формирование репертуара и отдельного варианта не только постоянные контакты (семейные или по месту жительства) носителей фольклора, но случайные встречи и даже публичные выступления.

Представленные в книгах автодокументы, или «автотексты», охватывающие более двух столетий, создают картину существования той или иной фольклорной традиции в разные периоды: ее

¹⁰ Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция... С. 351.

¹¹ Исполнители фольклорных произведений... С. 191–195.

¹² Там же. С. 58–66.

полнокровного бытования, того, как начиналось угасание, а затем «совершалось» естественное вымирание, скажем, былинной традиции. Очень много имен связано с возрождением плачевой традиции в годы Великой Отечественной войны, когда Заонежье было оккупировано, а многие женщины были отправлены в концлагерь в Петрозаводске. «Пришла к тому месту, где стояло хоромное строенье, села на катушке бревешечко, вспомнила, как скиталась по лагерям, вспомнила о хоромине и завопила по растерянной семье, по сыне, который погиб на фронте» (Д.И. Осова)¹³. Этот, как и многие другие рассказы и тексты, были записаны в конце войны А.П. Разумовой и В.Г. Базановым и составили отдельную книгу¹⁴.

«Автодокументы» – это история фольклорной традиции региона в биографиях исполнителей, и, как оказывается, эта локальная, региональная фольклорная традиция соотносится с общенародными, общезнаковыми процессами. Биографии явно запечатлели негативные последствия, когда в фольклористику в 1930-е сталинские годы вторгся диктат государственной идеологии, и началась целенаправленная кампания искусственного создания образа сказителя в советской культуре. С этим связаны и деградация былинного исполнительства, и откровенные фальсификации в разных (вплоть до колыбельной песни) жанрах. Поощряемые правительственными наградами и премиями, принимаемые в члены Союза советских писателей некоторые сказители, выполняя социальный заказ, становятся певцами счастливой жизни в советской стране, славят Сталина, сочиняют плачи, сказы, «новины» о вождах и деятелях революции. Все эти тексты могут быть квалифицированы не иначе, как псевдофольклор¹⁵.

Из биографических материалов представителя четвертого поколения Рябиновых Петра Ивановича Рябина-Андреева, становится ясно, что он один из первых слагателей былин о Ленине, Чапае-

¹³ Исполнители фольклорных произведений... С. 158.

¹⁴ Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.;Л., 1962.

¹⁵ См.: Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова; предисл. и ред. А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. С. 182–185; Русские плачи Карелии / Подгот. текста и коммент. М.М. Михайлова; под ред. М.К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

ве, Ворошилове¹⁶. А А.М. Пашкова рассказывает, как с ней проводились беседы о текущей политике, решениях партии и правительства, об участии в вечерах, работе конференции сказителей в 1939 году, поездке в Москву, как она начала сочинять плачи о Ленине, Горьком, Крупской, Чкалове, сказы «Советский Союз», «Раскрепощенная женщина», «Колхозница», былину о Сталине («Как сошлись удалы добры молодцы / Во Москву ли славну белокаменну/ Ко тому ли вождю Сталину...»)¹⁷. Назову и письмо космозерского сказителя М.Е. Самылина, который по приезде с Петрозаводской конференции 1939 года заявил: «Былину я напишу о Сталине»¹⁸.

Общеизвестно, что фундаментом истории и теории фольклористики являются тексты. Но не менее важны внетекстовые источники, автодокументы, отражающие локальную историю народной традиции в лицах, лицах носителей фольклора и, в известной степени, лицах собирателей. Они оказываются вместилищем бесценного историко-этнографического материала.

¹⁶ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)... С.210–215.

¹⁷ Носители фольклорных традиций (Пудожский район. Карелия)... С.203–213.

¹⁸ Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия)... С. 218–219.